

Северные археологические экспедиции 1920-х гг.: А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, А.В. Збруева

Sergey V. Kuzminykh & Irina V. Belozerova

Abstract

During the student practice in the Historical Museum funds, V. A. Gorodtsov's students A. Ya. Bryusov, M. E. Foss and A. V. Zbrueva attracted attention to the huge collections of stone tools from the Russian North. They clearly testified to the prospects of independent research here. The first step of investigation was the excavations in 1925 of the sites on the rivers Vexa and Yug, situated near Chukhloma. In 1926 the young Moscow archaeologists were invited by the director of the Arkhangelsk Regional Museum K. P. Reva and began their research on the Summer Coast (Letniy Bereg) of the White Sea. In 1927–1929, the investigations were continued by A. Y. Bryusov. In addition to dozens of newly discovered archaeological sites, excavations were carried out in the sites near the village of Krasnaya Gora, on the rivers Saraiha, Osipovka, Galdareya, Ust-Yarenga, Pushlakhta, Veiga, Tamitsa, Parandin-ruchey and in the settlement of the XVII century near the village of Lopshenga. For A. Y. Bryusov and M. E. Foss the works of the Kostroma and White Sea expeditions became the beginning of many years of research on the antiquities of the Russian North of the IV–I millennium BC.

Keywords: The Russian North, the Summer coast (Letniy Bereg) of the White Sea, A. Ya. Bryusov, M. E. Foss, A. V. Zbrueva, archaeological investigations and excavations, sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron ages.

Начало 1920-х гг., несмотря на последствия мировой и гражданской войн, ознаменовалось в России оживлением работ в области археологии (Городцов 1924). Уже в 1922 г. в Главмузее НКП РСФСР был выработан первый государственный план археологических исследований и раскопок, который предусматривал равномерное изучение всей территории Европейской части России, в том числе Русского Севера. По воспоминаниям М. Е. Фосс, студенты-археологи – ученики В. А. Городцова, проходившие практику в Историческом музее, осознали, что «слабая изученность <...> Севера европейской части СССР побудила [меня], как и других начинающих археологов, заняться исследованием северного неолита. С 1925 г. по 1947 г. были проведены 15 экспедиций – в Костромскую, Архангельскую, Вологодскую область и Коми АССР» (ОПИ ГИМ, ф. 487, д. 2, л. 2). Об этом же позже вспоминал А. Я. Брюсов, который обратил внимание в фондах ГИМ на практически не исследованные «огромные коллекции по неолиту нашего севера, в частности из Карелии, собранные главным образом И. С. Поляковым. Эти огромные

сланцевые орудия, так не похожие на неолитические орудия из других областей СССР», заинтересовали его и привели к мысли заняться их изучением (Брюсов 2012: 27).

Прелюдией к началу северных экспедиций стали раскопки в июне 1924 г. Туровского (Галичского) поселения в Костромской губернии. Это была первая послереволюционная экспедиция Городцова за пределами Московской губернии. В ней участвовали члены студенческого археологического кружка 1 МГУ разных курсов, включая героев нашего очерка. Цель раскопок – окончательно решить вопрос о соотношении Туровского поселения и знаменитого Галичского «клада» (Городцов 1928: 18). В итоге Галичская экспедиция стимулировала у студентов Городцова интерес к северным древностям и ускорила последующие шаги по реализации этих планов.

Их первым шагом стали работы Костромской экспедиции. В марте 1925 г. А. Я. Брюсов проинформировал костромского археолога В. И. Смирнова: «<...> несколько человек из нашей группы археологов обратилось к Василию Алексеевичу [Городцову] с вопросом, как бы он отнесся к выдаче нам открытых листов и оказал ли бы он нам в этом содействие. Я, лично, упомянул о том, что хотел бы ехать на север вместе с несколькими другими археологами <...>» (ОПИ ГИМ, ф. 547, оп. 2, д. 96, л. 42). В итоге А. Я. Брюсов договорился с Л.Н. Казариновым и В.И. Смирновым об организации совместной экспедиции 1 МГУ и Чухломского музея. А. Я. Брюсов, А. В. Збруева и М. Е. Фосс получили небольшие деньги от Главнауки НКП РСФСР и 1 МГУ, а костромские археологи предложили для исследования памятники, которые раскапывались ими в предшествующие годы. В итоге общими усилиями летом 1925 г. были проведены раскопки Федоровской стоянки на р. Вёкса и стоянки на р. Юг под г. Чухломой. Краткие результаты этих исследований вскоре были оперативно опубликованы (Брюсов 1927; 1928а; Збруева 1928; Фосс 1928).

Вторая экспедиция учеников Городцова по приглашению Общества изучения Коми области (руководитель А. П. Смирнов, участники М. Е. Арсакова, Е. М. Витвицкая, А. В. Дмитриевская, П. А. Дмитриев, В. П. Левашова, Е. Н. Липеровская) провела тем же летом раскопки средневековых поселений и могильников в бассейне р. Вычегды.

В 1926 г. Брюсов, Фосс и Збруева – уже сотрудники ГИМ и аспиранты ИАИ РАНИОН первого года обучения – получили открытые листы с правом проведения первых самостоятельных разведок и раскопок на Летнем берегу Белого моря. По воспоминаниям Брюсова (2012: 44), исследования Беломорской экспедиции начались по приглашению директора Архангельского краевого музея К. П. Ревы, открывшего ряд неолитических стоянок в этой части побережья (Рева 1898).

Подробности северных экспедиций отложились в фондах ОПИ ГИМ: В. А. Городцова (Ф. 431), В. И. Смирнова (Ф. 547), А. Я. Брюсова (Ф. 545) и М. Е. Фосс (Ф. 487). Они хранят практически полную полевую и камеральную документацию исследований стоянок Летнего берега Белого моря и дельты Северной Двины. Большое научное значение имеет библиография, составленная Брюсовым (1940: 169–205) в процессе подготовки труда о древнейшей истории севера Европейской части СССР. Она охватывает работы до 1935 г., включая газетные заметки и журнальные статьи. Труды, касающиеся исследований на Летнем берегу Белого моря до Беломорской экспедиции, отражены в библиографии с максимальной полнотой.

Особый интерес представляют полевые отчеты в архивах А. Я. Брюсова (Ф. 495, д. 124, 125) и М. Е. Фосс (Ф. 487, д. 29). По ним можно проследить все этапы полевой деятельности Беломорской экспедиции – от разведок и сборов до раскопок, а также получить информацию о выборе маршрутов, сотрудниках и рабочих, находках, материальном положении и трудностях, с которыми пришлось столкнуться. В частности, в отчете за 1926 г. говорилось: «Продолжая работу по археологическому исследованию северной части СССР, группа лиц в составе А. Я.

Рис. 38.1. Обед в избушке на тони Галдарея (слева Д.А. Крайнов, справа А.Я. Брюсов) (ОПИ, ф. 545, д. 129, л. 27).

Брюсова, П. А. Дмитриева, А. В. Збруевой, А. П. Смирнова, М. Е. Фосс обратились в Главнауку НКП [РСФСР] с просьбой об отпуске средств. Ходатайство было поддержано Комитетом содействия северным народностям при Президиуме ВЦИК, Археологическим отделением НИИ археологии и искусствоведения РАНИОН, Московским отделением АИМК и Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. Главнаука НКП отпустила по этому ходатайству через НИИ археологии и искусствоведения сумму в триста рублей» (ОПИ, ф. 545, д. 124, л. 2).

Как объясняли участники экспедиции, отпущенная на экспедицию сумма была небольшой – ограниченное ассигнование не позволило следовать первоначальному плану и обследовать все побережье Белого

моря. Коллектив был сокращен до трех человек, из них два руководителя (Брюсов, Фосс) и сотрудник (Збруева); пришлось отказаться от найма рабочих, сократить время и сам маршрут. Расход средств намного превысил отпущенную Главнаукой сумму, и разница была покрыта участниками экспедиции из своих средств.

В итоге экспедиция смогла довести свои исследования только до р. Копылихи в 173 верстах к северо-западу от Архангельска. При этом было обследовано только само побережье. Маршрут не затронул приустьевые участки впадающих в море рек, Унскую губу, удаленные от побережья внутренние озера. Только по завершении полевого сезона стало ясно: молодые московские археологи, прокладывая разведочные маршруты, вследствие недостатка опыта работы на севере не учли одно важное обстоятельство. Древние жители Беломорского побережья для долговременных поселений выбирали удаленные от берега моря истоки небольших речек и озера. Памятники, выявленные на береговой кромке, как показала обработка материалов (Брюсов 1928b; Збруева, Фосс 1928), являлись промысловыми становищами.

О подробностях жизни и работы члены экспедиции знакомили В. А. Городцова. Так, они писали, что живут в рыбацкой курной избе в 16 верстах от селения Лопшеньга на самом берегу Белого моря, что «сообщение с деревней <...> только раз в 4–5 дней (мальчик приносит хлеб), из людей видим только прибрежных рыбаков, у которых покупаем семгу (по 20–30 коп[еек] за фунт). Готовим пищу на очаге под открытым небом. Две недели сидим, не раздеваясь, потому что дуют северные ветры, а у нас в избе нет рам в окнах, а топить каменку не можем из-за дыма» (ОПИ, ф. 431, д. 382, л. 23) (рис. 38.1).

Еще одним затруднением, с которым столкнулись Брюсов и его спутники, было полное отсутствие дорог, что замедляло продвижение по намеченному маршруту. «Много времени и денег потратили при переездах (отсюда до Архангельска 200 верст), так как не знали местных условий и состояния дорог. Теперь ко всему приспособились» (Ibid), – писали они учителю.

Для передвижения на лодке, самом удобном на севере виде транспорта, приходилось ждать попутного ветра, а в 1926 г. в течение 1,5 месяцев дули только северные ветры (рис. 38.2). В море несколько раз группа попадала в бурю. Приходилось сбрасывать часть груза и возвращаться на прежнее место пешком по берегу.

Полевые работы в немалой степени зависели от погодных условий. Лето 1926 г. было холодное, иногда с утренними заморозками. Все время приходилось работать в теплой одежде и даже пропускать утренние и вечерние часы, особенно удобные для разведок и раскопок, когда не было комаров и мошки. В 1927 г. погода, наоборот, была исключительно жаркой, и ученики сообщали Городцову: «Примите привет с далекого Севера, где в этом году жарче, чем под тропиками (до 40° жары днем)» (Ibid 22).

Особое впечатление на участников экспедиции произвело местное население: «Народ здесь очень развитой. Очень многие были за границей. Встречаются мужики, которые рассказывают о Неаполитанском музее, об алеутах и Зондских островах и т.д. Люди здесь приветливые и честные. Часто вещи оставляем прямо на берегу и уходим за несколько верст: никто ничего не тронет, запоров у домов здесь нет. По берегу разбросаны на расстоянии версты друг от друга избы, которыми всякий может пользоваться. Сохранилось много старинных обычаев, порядков и слов» (Ibid 23). Позже, на рубеже 1950–1960-х гг., Брюсов оставил подробное описание о встречах с поморами в своих воспоминаниях (Брюсов 2012: 44–48). В экспедиции он сделал большое количество фотоснимков, запечатлевших членов экспедиции, население северных деревень, виды местностей и находки.

Несмотря на бытовые трудности, письма Городцову (29.07.1926) полны оптимизма: «Раскопки очень удачные, особенно стоянка на р. Галдарее. Привезем много вещей. Керамика, к сожалению, очень плохой сохранности. Зато среди орудий есть совершенные уники, как, например, один великолепный кинжал. Обследовать все протяжение на берегу от Нёноксы до Онеги, ко-

Рис. 38.2. Переправа через р. Сюзьму (в центре А.Я. Брюсов). 1926 г. (ОПИ, ф. 545, д. 129, л. 21).

Рис. 38.3. М.Е. Фосс с ящиками археологических предметов (ОПИ, ф. 545, д. 368, л. 49).

нечно, не удалось. Слишком много археологических пунктов. В этом году нам удалось пройти разведками и в наиболее интересных местах произвести раскопки только до границы Онежского уезда» (ОПИ, ф. 431, д. 382, л. 25) (рис. 38.3).

В 1926 г. экспедиция провела раскопки стоянок у Нёноксы, Красной Горы, Малого Серта и в Галдарее. Предварительные результаты этих работ нашли отражение в публикациях молодых ученых (Брюсов 1928b; 1928c; Збруева, Фосс 1928). В двух километрах от устья р. Голодеихи и от моря на высоком правом берегу реки были выявлены остатки русской деревни XVII в. – селище Верхняя Лопшеньга и проведены рекогносцировочные раскопки; в 1927 г. они были расширены Брюсовым. Археологические данные, полученные в ходе раскопок селища (Брюсов 1928c), были пополнены документальными сведениями (от 1707 г.), сохранившимися в летописи храма села Лопшеньга (выписка из книг Кирилло-Белозерского монастыря), предоставленной участникам экспедиции местным священником о. Захарием Ануфриевым.

В селище Верхняя Лопшеньга Брюсов видел остатки деревни Семеновской, которая была куплена Кирилло-Белозерским монастырем в первой четверти XVII в. (Ibid 116). В полевом отчете за 1926 г. отмечено: «На площади селища еще сохранились следы четырех построек в виде канавок. Судя по последним, постройки состояли из 2–3 прямоугольных срубов, примыкающих друг к другу» (ОПИ, ф. 545, д. 124, л. 12). Далее сообщалось, что была вскрыта часть селища площадью 20 м², под ним оказались следы стоянки с каменными орудиями. В раскопе найдено 19 предметов (наконечники стрел, скребки, остатки глиняного горшка и др.).

Заканчивая свои исследования в 1926 г., члены экспедиции сообщали Городцову: «За оставшиеся дни думаем кое-что сделать около р. Сараихи и между рр. Люлинкой и Галдареей. Двигаться дальше, в Онежский уезд, нет ни времени, ни сил, ни денег. Места здесь для работы – прекрасные. Очень хотелось бы в будущем году продолжить эту работу с большими средствами и

силами. Тем более что теперь нам знакомы местные условия и легко всюду сможем устроиться. Во всяком случае, наши ожидания и надежды оправдались. До Красной Горы с нами ездил К.П. Рева» (ОПИ, ф. 431, д. 382, л. 24). При раскопках стоянки между селением Красная Гора и р. Чухча были обнаружены следы его давних раскопок (Рева 1898).

Часть информации о работах на Летнем берегу содержится в письмах А.Я. Брюсова В.И. Смирнову. В одном из них (28.01.1927), в частности, говорилось: «Мы сейчас на несколько лет погрузились в исследование крайнего севера. Начали с работ по Летнему берегу Белого моря. Привезли прекрасный материал. Но успели исследовать, да и то не полностью, только самое побережье на расстоянии около 100 верст. Этим летом думаем ехать опять туда же продолжать работу» (ОПИ, ф. 547, д. 96, л. 52).

Из этого же письма известно, что керамика, привезенная с Летнего берега, привлекла внимание лидера московских палеоэтнологов и лучшего знатока древней керамики центра Русской равнины тех лет Б. С. Жукова. «Время от времени, обычно зимой, Б.С. осматривает материал из наших последних раскопок, а наша группа (М. Е. Фосс, А. В. Збруева и я) смотрим материал из его раскопок» (Ibid 50об).

Из другого письма Брюсова Смирнову (30.03.1927): «Мы опять летом собираемся на Летний берег Белого моря. А я лично мечтаю учинить поездку на лодочке по одной из рек вглубь полуострова, в тайгу, чтобы отыскать в глубине леса “постоянные” стоянки» (Ibid 54, 54об). Брюсов понимает, что обнаруженные в 1926 г. на берегу моря стоянки являются местами кратковременного обитания, промысловыми становищами. Как бы ни были красивы и эффективны каменные орудия, недостает находок керамики: «впервые нам пришлось столкнуться с совершенно необожженными (по определению Государственного экспериментального института силикатов) сосудами», которые просто рассыпались в руках. Исследователь уверен, что на этих стоянках «жили только летом, зимою же должны были уходить вглубь леса <...> Не может же быть, чтобы при сходстве временных стоянок с норвежскими не было на Летнем берегу стоянок зимних, таких же как Рускенес или, еще лучше, как стоянка у Варанговского фьорда» (Ibid).

В июле 1927 г. работы на Летнем берегу были продолжены. Как следует из отчета о раскопках, они велись на средства ИАИ и ГИМ. Беломорская экспедиция продолжила разведки от р. Галдарей до д. Летняя Золотица и произвела раскопки стоянок у р. Усть-Яренга, у тони Яш-наволока, р. Паранин-ручей. Экспедицию возглавлял Брюсов; Фосс и Збруева в этот и последующие годы работали самостоятельно в других регионах; с 5 июля в работах экспедиции в качестве практиканта участвовал Д. А. Крайнов, студент этнологического факультета 1 МГУ.

Брюсов сообщал тогда Городцову: «Раскопки идут очень хорошо. Есть очень интересные стоянки. Много керамики. Особенно интересно было сопоставить данные скандинавских археологов с местными условиями. По дороге встретился я с экспедицией геологов от Академии Наук. Обязались обменяться обработанными наблюдениями, что для меня очень важно, так как у них будет точная нивелировка местности. Во всем наши выводы (предварительные, конечно) сходятся. Д. А. Крайнов все время очень усиленно работает, а при случайных остановках в селах (обычно мы работаем верстах в 10–20 от деревни) также усиленно посещает «зорянки» (ночные гуляния). Трудно еще сказать про теоретическую сторону, так как он еще очень молод, но и практический работник из него, кажется, получится очень хороший» (ОПИ, ф. 431, д. 382, л. 22).

Раскопки 1927 г. на селище Верхняя Лопшеньга внесли коррективы в первоначальные представления о подстилающей селище древней стоянке: в этой части селища ее следы отсутствовали, но были найдены точило для костяных игл (Брюсов 1928с: рис. IV) и такие же скобелеобразные кремневые орудия, что и в раскопе 1926 г. Брюсов предположил, что при помощи каменных

точил и кремневых орудий с выемкой по одному из краев осуществлялась выделка костяных игл для вязания (Ibid 115). Одна из таких игл была обнаружена как раз в раскопе 1926 г. Об исследованиях селища Верхняя Лопшеньга аспирант Брюсов сделал сообщение на заседании ИАИ (27.01.1927), а результаты через год опубликовал (Ibid). Доклад о результатах разведок и раскопок на Летнем берегу Белого моря в 1926 и 1927 гг. был сделан им также в Архангельском обществе краеведения (12.08.1927).

В 1928 г. разведочные поиски были перенесены на Онежский берег Белого моря, проведены раскопки стоянок на реках Пушлахте, Вейге и Тамице. Эти стоянки располагались в отдалении от моря. Полученные в ходе раскопок Брюсова материалы, особенно на стоянках Тамица и Вейга (Фосс 1952: 244–246), внесли существенные коррективы в хронологию беломорских памятников. Ранее они традиционно рассматривались как неолитические, но, как выяснилось в ходе исследований Фосс (Ibid 232–247, 256–258), значительная часть этих поселений относится к эпохам бронзы и раннего железа.

В 1929 г. А. Я. Брюсов завершил обследование Летнего полуострова и из Онеги направился в Карелию, где вместе с А. М. Линевским произвел рекогносцировочные раскопки близ только что открытых петроглифов «Бесовы следки» (Брюсов 2012: 45). С этих работ начался карельский этап научных исследований ученого. В ИАИ он избрал для аспирантской диссертации тему «Древнейшая история Карелии» (Брюсов 1940).

В итоге за четыре года (1926–1929) были проведены разведочные поиски и раскопки на Летнем берегу Белого моря на протяжении около 200 километров. Особенно важное значение в научном отношении имели раскопки стоянок на реках Галдарея, Усть-Яренга, Тамица, Вейга, Пушлахта, у селений Красная Гора и Лопшеньга, а также русского селища XVII в. Верхняя Лопшеньга. В ходе работы участниками Беломорской экспедиции изучались коллекции ГИМ, Архангельского краевого музея, труды российских и зарубежных ученых (Ibid 169–205), архивные документы.

В отчетах отмечено своеобразие обнаруженных на побережье Белого моря стоянок. На севере «не работали» признаки, по которым выявлялись поселения эпох неолита и бронзы в центре Русской равнины. Здесь не было стационарных поселков со сплошной и плотной застройкой – беломорские стоянки представляли собой разбросанные на большой площади разной величины небольшие хутора обычно в защищенных от северного ветра лощинах. Выяснилось, что профиль местности за несколько тысячелетий изменился: пробные траншеи, заложенные вне стоянок, показали, что участки, заложенные от северного ветра, были в прежние времена открыты и наоборот. Также современные русла рек и контуры озер частью не соответствуют прежним условиям: некоторые стоянки находятся далеко от пресной воды, их можно найти в любом месте – у реки, озера и вдали от них.

Стоянки, раскопанные в 1926 г. на реках Чухче, Голодеихе, Галдарее, как и пробные шурфы на местах находок между реками Сарайским ручьем и Галдареей, давали картину культурного слоя, лежащего под растительностью в сером песке, ниже которого шел стерильный красный песок. Прослеживалась та же последовательность слоев, как и на стоянках Финляндии и Карелии (Ailio 1909).

В своих отчетах члены экспедиции отмечали богатство растительного мира на Летнем берегу: леса, покрывающие весь Онежский полуостров, буйство растительности, цветы, все лето ковром устилающие луга и лужайки. На берегу моря обилие кремня, яшмы, сердолика, агата, халцедонов – прекрасного материала для выработки каменных орудий. Большая часть выявленных и раскопанных стоянок была отнесена к неолиту и бронзовому веку, но некоторые материалы определены временем около рубежа I–II тыс. н.э. Крайне важно, что позднее Брюсов (1952: 140) и Фосс (1952: 131, 132) в керамике беломорских памятников выделяют значительный

пласт материалов раннего железного века (воротничковая посуда со шнуровым и гребенчато-шнуровым орнаментом, характерная для ананьинских древностей Волго-Камья).

Подводя итог, важно отметить, что северные экспедиции учеников В.А. Городцова определили дальнейший научный путь А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс, А. В. Збруевой, А. П. Смирнова. Труды Брюсова (1940; 1952) и Фосс (1952) заложили фундамент для дальнейшего изучения доисторических древностей Севера, на десятилетия определили поиски их последователей и оппонентов. Участие в северных экспедициях позволило А. В. Збруевой с полнотой для своего времени изучить культурные связи ананьинского мира с севером Восточной Европы (Збруева 1952). Археологическое изучение древностей коми и удмуртов в 1920-е гг. нашло отражение в очерках древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Приуралья А. П. Смирнова (1952). Следует вспомнить также о подвижнической деятельности М. Е. Арсаковой (еще одной ученицы В. А. Городцова и участницы экспедиции 1925 г. в Коми край) на территории Череповецкого региона (Арсакова 1929). Многие из студентов 1 МГУ и аспирантов ИАИ РАНИОН, участвовавших в 1920-е гг. в северных экспедициях, в дальнейшем посвятили свою жизнь изучению древнейшей истории севера России.

Литература

- Арсакова, М. Е. 1929. Древний человек и поселения края (по археологическим раскопкам). *Череповецкий округ*: 344–348. Череповец.
- Брюсов, А. Я. 1927. О раскопках в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1925 года. In Б. С. Жуков & О. Н. Бадер (ed.). *Материалы к доистории Центрально-Промышленной области*. Москва: Государственный музей Центрально-Промышленной области: 56–58.
- Брюсов, А. Я. 1928а. Федоровская стоянка. Раскопки 1924 г. А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс и А. В. Збруевой. *ТСА РАНИОН II*: 26–32.
- Брюсов, А. Я. 1928b. Что представляют собой стоянки на Летнем берегу Белого моря? *ТСА РАНИОН III*: 3–8.
- Брюсов, А. Я. 1928с. Селище XVII века «Верхняя Лопшенга» на Летнем берегу Белого моря. *ТСА РАНИОН IV*: 107–118.
- Брюсов, А. Я. 1940. *История древней Карелии*. Труды ГИМ IX. Москва: ГИМ.
- Брюсов, А. Я. 1952. *Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху*. Москва: АН СССР.
- Брюсов, А. Я. 2012. На тропах археологии. Воспоминания. Москва: ИА РАН; Курск: КГМУ.
- Городцов, В. А. 1901. Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря. *ДТМАО* 19 (2): 71–77.
- Городцов, В. А. 1924. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 год. *Древний мир* 1: 2–20. Москва: ИАИ РАНИОН.
- Городцов, В. А. 1928. Галичские клад и стоянка. *ТСА РАНИОН IV*: 13–54.
- Збруева, А. В. 1928. Стоянка на р. Юге Чухломского уезда Костромской губернии. *ТСА РАНИОН IV*: 230–240.
- Збруева, А. В. 1952. *История населения Прикамья в ананьинскую эпоху*. МИА 30. Москва: АН СССР.
- Збруева, А. В. & Фосс, М. Е. 1928. Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной Горы и у реки Галдарей. *Сборник: К десятилетию Октября* 1: 42–53. Москва: Московская секция ГАИМК.

Поляков, И. С. 1882. *Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги*. Санкт-Петербург: Тип. Киришбаума.

Рева, К. П. 1898. *Следы доисторического населения Архангельской губернии: (По раскопкам поселений каменного века)*. Архангельск: Губ. тип.

Смирнов, А. П. 1952. *Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья*. МИА 28. Москва: АН СССР.

Фосс, М. Е. 1928. Керамика Федоровской стоянки. ТСА РАНИОН IV: 107–118.

Фосс, М. Е. 1952. *Древнейшая история севера Европейской части СССР*. МИА 29. Москва: АН СССР.

Ailio J. 1909. *Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland: I. Teil: Übersicht der Funde*. Helsingfors: Finnische Altertumsgesellschaft.

Список сокращений

АН СССР – Академия наук СССР

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры

ГИМ – Государственный исторический музей

Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями в составе Академического центра НКП РСФСР

Главмузей – Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при НКП РСФСР

губ. – губернский (ая)

ГУС – Государственный ученый совет

д. – дело (единица хранения)

ДТМАО – Древности. Труды Московского археологического общества. М.

ИАИ РАНИОН – Институт археологии и искусствознания РАНИОН

ИА РАН – Институт археологии РАН

КГМУ – Курский государственный медицинский университет

л. – лист

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МГУ – Московский государственный университет

МОИМК – Московское отделение ИИМК АН СССР

НКП – Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР

оп. – опись

ОПИ – Отдел письменных источников ГИМ

РАН – Российская академия наук

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РИМ – Российский исторический музей

тип. – типография

ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М.

ф. – фонд